
Лилия Романова
Попаданка у штурвала
Снова ты

Лилия Романова

Попаданка у штурвала. Снова ты

«Автор»
2026

Романова Л.

Попаданка у штурвала. Снова ты / Л. Романова — «Автор», 2026

В другой мир я попала восемнадцать лет назад. Успела выучиться, выйти замуж, развестись и заслужить место у штурвала воздушного судна. В сорок четыре моя жизнь наконец идет выбранным курсом.Пока в списке экипажа не появляется фамилия бывшего мужа.Семь лет назад Маттис хотел остаться на берегу, а я мечтала о дальних рейсах. Теперь я запускаю короткую линию между парящими островами, а он снова смотрит за горизонт. Нам предстоит всего один пробный круг. Работа есть работа, и я прекрасно умею держать дистанцию.Вот только бывший больше не тот человек, которого я помню. А я слишком хорошо помню, каково это: танцевать с ним, смеяться с ним и ждать его поцелуя.Можно ли влюбиться заново, не возвращаясь в прежнюю жизнь?

© Романова Л., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Фамилия в списке 5
Глава 2. Семь лет спустя 8
Глава 3. Своя палуба 11
Глава 4. Через облачный край 14
Глава 5. Без промежуточной остановки 17
Глава 6. Не тот береговой человек 20
Конец ознакомительного фрагмента. 22

Лилия Романова
Попаданка у штурвала. Снова ты

Глава 1. Фамилия в списке

В списке экипажа мой бывший муж стоял третьим. Я прочитала его фамилию, перевернула лист, зачем-то посмотрела на чистый оборот и засмеялась.

Берта Ланг отодвинула сахарницу от края стола.

— Если это из-за жалованья, дальше есть надбавка за пассажирскую палубу.

— Я до жалованья еще не дошла.

— Тогда дойди. Мне пришлось дважды переделать этот лист, и я хочу, чтобы ты прочла его целиком.

За открытым окном конторы расправляли боковой парус. Полотнище на мгновение заслонило утреннее солнце, и по лицу Берты прошла длинная тень. У нее было лицо человека, который с рассвета успел выслушать пять убедительных причин ничего сегодня не делать и все-таки открыл порт вовремя.

Я снова посмотрела на лист.

Капитан — Ирина Ярова.

Эти слова стояли первыми, над фамилией Доры Кирк, над Маттисом, над всем остальным экипажем. Мне захотелось забрать бумагу, выйти на лестницу и прочитать еще раз, уже без свидетелей.

— Должность на пробный круг, — напомнила Берта. — Затем еще два перехода в нашем обычном расписании, если первый пройдет как следует. Решение о постоянном месте примем до конца мая. Твой нынешний капитан знает, что я делаю предложение. С грузового судна тебя отпустят после сдачи дел.

— Он давно знает?

— Со вчерашнего дня. До этого я решала, кого хочу взять. Теперь решать тебе.

Я провела пальцем по ровному срезу листа. Девять лет старшим помощником. Чужие капитанские каюты, в которые я входила с журналом, чужие имена на договорах, вполне честная ответственность во время замещений. Я умела приводить судно в порт и знала, как это делается без человека за спиной, который в последнюю минуту скажет свое окончательное слово. Но на постоянное место всякий раз находился кто-то другой. Иногда лучше меня. От этого ждать не становилось легче.

— Почему я? — спросила я.

Берта помолчала.

— Потому что ты довела «Полог» в осенний сезон без капитана, пока он сидел на берегу из-за семейных дел. Потому что Тиль согласился идти к тебе боцманом, хотя выбирал между двумя судами. И потому что пассажирскому капитану нужно уметь разговаривать с людьми прежде, чем они начнут орать. Ты умеешь. Не всегда хочешь, но умеешь.

— Очень лестно.

— Я предлагаю работу, Ирина.

Мне было сорок четыре. В такие годы уже трудно убедительно изображать равнодушие к тому, чего хотела много лет. Я перестала улыбаться и перечитала условия. Четыре дня на обычный круг; в пробный добавили пятый день ради заранее объявленной праздничной стоянки на Ардене. Базовый порт на острове Вейр, ночные стоянки у защищенных настилов. Три острова: Вейр, Линн и высокий Арден. Почта, небольшой груз, пассажиры. Судно «Ласточка»,

прежде ходившее с почтовыми мешками и запираемыми ящиками, получило светлый общий салон, две палубы и места для шестнадцати человек.

— Пассажиров уже набрали?

— Девять до Линна, шесть дальше. На обратный путь есть свои. Пробный круг оплачивают как обычный. Они знают, что линия новая. Скидку я дала, бесплатного представления не обещала.

Берта налила мне чай, который успел настояться до цвета темного янтаря.

Я прочитала сумму. Потом вторую, указанную для постоянного договора. Впервые за все утро мне стало смешно от радости.

— Вот теперь дошла, — сказала Берта.

Я подняла чашку, но не отпила. Маттис Ренц все еще стоял третьим в списке.

Семь лет мы не были мужем и женой. За эти годы я встречала его у башни, видела со спины на рынке, однажды сидела через два ряда от него на слушании о зимних течениях. Мы здоровались. Иногда спрашивали, как дела. Он отвечал «работаю», я говорила «вернулась». Для людей, проживших вместе семь лет, это было удивительно мало слов, и все они нас устраивали.

— Ты знала? — спросила я, постучав ногтем рядом с его именем.

— Что вы были женаты? Да.

— И все равно решила?

— Я еще никого не наняла. Маттис согласился рассмотреть временный выход, ты рассматриваешь капитанское место. Состав известен вам обоим до подписания. Если кто-то откажется, я найду другого человека. Мне нужна работающая палуба, а не ваша семейная история.

Берта сказала это ровно, без особой деликатности. Я была ей благодарна.

— Он знает, что капитаном будешь ты, — добавила она. — Узнал утром. Попросил дать вам поговорить до ответа.

Я посмотрела в окно. Парус убрали, и стало видно воздушное судно у соседней башни. Его подъемный киль светился под днищем тусклой теплой полосой. На Земле я не знала бы, на что смотрю. Здесь, после восемнадцати лет жизни, первым делом заметила, что груз на кормовой площадке поставлен слишком близко к ограждению.

— Ирина?

— Я думаю.

— Думай до завтрашнего полудня. «Ласточку» можешь посмотреть сейчас. Оскар на борту.

Она положила рядом второй лист, с описанием переоборудования. Я взяла оба. Возле фамилии Маттиса не было никакой пометки. Обычный навигатор, квалификация подтверждена, ограниченный срок. Я снова задержалась взглядом на знакомой фамилии.

На лестнице пахло теплым деревом и краской. Я остановилась на площадке между этажами и еще раз развернула первую страницу.

Капитан — Ирина Ярова.

Потом убрала ее в сумку так осторожно, словно свежие чернила могли смазаться.

До «Ласточки» я пошла в обход, через нижний настил. Мне нравился порт в тот час, когда утренняя посадка уже закончилась, а грузчики еще не вернулись за следующими телегами. Слышно было отдельные шаги, скрип поворотных креплений, стук посуды в открытом окне столовой. Ниже края острова лежали облака. Там не было воды, хотя приезжие с дальних каменных плато неизменно называли низину белым морем. Иногда в облачном разрыве проступала тень другого острова, огромная и неподвижная, и снова исчезала.

В двадцать шесть лет я оказалась здесь в промокших земных ботинках, с ключом от квартиры, к которой больше не существовало дороги. Ни мужа, ни детей у меня там не было, родителей я потеряла раньше. Все равно понадобилось много времени, чтобы перестать при-

слушиваться к невозможному шуму машин за стеной. Местную речь я учила у людей, которым было некогда ждать, пока чужая женщина найдет правильное слово. Потом училась носить снасти, считать массу, стоять у рулевых плоскостей. Прежняя земная работа диспетчера грузового двора помогала не теряться в чужих требованиях, но ни один земной навык не объяснял, как поймать высотное течение.

Теперь мои старые ботинки давно исчезли, ключ лежал в маленькой коробке, а мне предложили собственное судно.

Я поднялась по защищенному переходу на борт.

Оскар Тиль стоял на коленях возле крепления скамьи. Он дернул ее, дождался, пока я подойду, и дернул еще раз.

— Держится, — сказал он. — Жаль. Я рассчитывал убедить Берту выкинуть половину мебели.

— Пассажирам придется стоять?

— Тогда их будет проще высаживать.

Я протянула руку. Он встал, вытер ладонь о рабочие штаны и поздоровался.

— Ты уже согласилась?

— Еще нет.

— Правильно. Сначала посмотри уборную. Капитаны начинают с рубки, а потом удивляются.

Мы обошли судно. Я открыла тяжелую дверь, проверила выход на нижнюю палубу, посмотрела, как будут проходить люди с корзинами, если кто-то остановится посредине. Оскар не торопил. В рубке было тесно, но обзор оказался лучше, чем я ожидала: высокий нос не закрывал швартовный настил при подходе.

Я положила руку на штурвал. Дерево было гладким там, где его касались ладони прежнего капитана, и чуть шероховатым ближе к ступице.

— У тебя пуговица оторвалась, — сказал Оскар.

Я посмотрела на рукав. Действительно. Нижняя пуговица болталась на одной нитке. Все это утро, весь разговор о новой должности я провела с торчащей ниткой на капитанской стороне стола.

— Ничего, — сказала я. — До завтра пришью.

— Значит, думаешь согласиться.

— Значит, умею пришивать пуговицы.

Оскар хмыкнул и оставил меня в рубке одну.

Я представила здесь Маттиса. Его правую руку на карте, привычный наклон головы, когда он сверяет береговой знак. Потом представила, как он произносит мое имя тем домашним голосом, которым когда-то просил не собирать сумку во время ужина.

Пальцы сами собой крепче легли на штурвал.

Я отпустила дерево. Вышла из рубки, спустилась с судна и направилась к картографической палате. До завтра оставалось время поговорить с Маттисом.

Глава 2. Семь лет спустя

В картографической палате переставили шкафы. Я помнила длинный проход к лестнице, а теперь уперлась в витрину с образцами указательных флажков. За стеклом висел желтый треугольник, похожий на кусок сыра. Я смотрела на него, пытаясь выбрать другой путь, когда за спиной раздалось:

— Налево. Потом направо, и ты окажешься ровно там, куда собиралась попасть прямо.

Я обернулась.

У Маттиса была борода. Короткая, аккуратная, темнее его русых волос, с двумя светлыми прядками у подбородка. За семь лет я успела привыкнуть к этой бороде на расстоянии, но вблизи она по-прежнему казалась чужой. Виски поседели сильнее. Серые глаза смотрели внимательно, и я сразу вспомнила, как трудно было говорить с ним, когда он вот так ждал, не подсказывая ни одного слова.

— Ты теперь и посетителей направляешь?

— Только тех, кто сердится на шкаф.

— Я не сердилась.

— Тогда шкафу повезло.

Он держал под мышкой свернутую карту и несколько листов. Рукава рубашки были закатаны на разную высоту: на одной руке до локтя, на другой выше. Я едва не сказала об этом. Вместо этого спросила, может ли он выйти.

— Десять минут, — ответил он. — Мне нужно отдать работу.

— Я подожду.

— Во дворе есть скамья. Ее еще не переставили.

Пока я ждала, из двери вынесли широкий стол. Двое работников долго прикидывали, как провести его между кадками. Я помогла отодвинуть одну, и на ладони остался влажный след глины. Маттис вышел в ту минуту, когда я отряхивала руки.

— Ты здесь четверть часа, а уже перестроила двор.

— Столу мешало.

Он протянул мне чистый платок. Я взяла, вытерла пальцы и только потом поняла, насколько легко это сделала. Маттис не смотрел на платок. Он выбирал, с какой стороны стола пройти к калитке.

Мы вышли на тихую боковую улицу. В полдень сюда не попадало солнце, и каменные ступени еще хранили утреннюю прохладу. Я предложила чайную у поворота. Он сказал, что там сегодня собирают новую печь, и указал на открытый прилавок дальше. Раньше я знала такие вещи о своем городе. Теперь он знал, а я возвращалась с очередного рейса и удивлялась закрытой двери.

У прилавка мы взяли по кружке горячего яблочного напитка. Сели под навесом. Между нами поместилась бы еще одна персона с очень широкой сумкой.

— Берта дала тебе состав? — спросила я.

— Да. Сегодня утром.

— И ты не знал раньше?

— Нет. Я видел требования к переходу и срок. Капитана в них не было.

Он поставил кружку на скамью и повернулся ко мне всем корпусом. Раньше мне нравилась эта его привычка: если уж Маттис разговаривал, то не продолжал одновременно читать, есть или искать в ящике тесемку. После развода я несколько раз ловила себя на том, что скучаю именно по таким пустякам, и злилась сильнее, чем стоило.

— Я пришла спросить, сможешь ли ты работать со мной, — сказала я.

— Смогу. Но хочу понимать, сможешь ли ты со мной.

— Именно это я и пытаюсь выяснить.

Над навесом захлопали крылья. Две портовые птицы устроили спор из-за чего-то на водостоке. Я подняла глаза, хотя ничего не видела сквозь ткань. Маттис ждал.

— Ты будешь моим навигатором, — сказала я наконец. — Замечания по курсу, стоянкам, течениям нужны. Все обычное.

— Да.

— Но я не хочу всякий раз слышать за ними наш последний год.

— Я тоже не хочу проводить этот год еще раз.

От его спокойного ответа у меня неприятно свело плечи. Я надеялась на деловую ясность, но услышала, как легко он назвал время, которое я вспоминала отдельными вечерами: холодный ужин, открытую сумку, его спину у окна.

— Я не об этом.

— А я об этом, Ирина. Я не собираюсь выходить на «Ласточке», чтобы выяснять, кто тогда кого не понял. Мне нужна рейсовая работа. Берте нужен навигатор на короткий срок. Условия подходят.

— У тебя ведь есть палата.

— До конца мая я заканчиваю здесь занятия и передаю часть карт. Зимой, возможно, снова возьму занятия. Я не поссорился с берегом, если ты об этом.

— Я вообще еще ничего не спросила.

— Уже спросила. Только другим голосом.

Я посмотрела на него. В уголке рта у него появилась та маленькая складка, которая прежде означала, что он готов рассмеяться, но сомневается, уместно ли. Мне захотелось одновременно толкнуть его плечом и пересесть подальше.

— Хорошо, — сказала я. — Давай без голосов. Отказаться можно обоим. У меня остается старшее место на «Пологе», по крайней мере до середины месяца. У тебя работа здесь. Никакой безвыходной истории нет.

— Нет.

— И если мы согласимся, экипаж не должен выяснять, кому когда было обиднее.

— Я не собирался обращаться к Оскару за судом.

Я все-таки улыбнулась.

Маттис подвинул кружку, освобождая место для моего локтя. Я заметила движение и не воспользовалась свободным местом, из упрямства, совершенно ненужного в таком разговоре.

— Когда ты была в палате осенью, — сказал он, — я хотел тебя поздравить. С тем переходом, в котором ты сама командовала судном.

— Почему не поздравил?

— Ты разговаривала с тремя людьми, потом ушла. Позже мне показалось странным разыскивать тебя из-за одной фразы.

— Мог бы.

— Мог бы.

Мы замолчали. В нашей прежней жизни подобных несостоявшихся разговоров было немало. Иногда мы действительно говорили. По многу часов. Я объясняла, почему хочу принять еще одно дальнее назначение. Он объяснял, почему хочет завтракать со мной чаще, чем с соседской кошкой, заходившей к нему через кухонное окно. Все было ясно. От ясности наши желания не становились одинаковыми.

Когда мне было тридцать, я вышла за него с уверенностью, что наш общий дом поместится между любыми двумя рейсами. Маттису было тридцать три, и он сам еще любил отправляться далеко. Позже береговая работа стала радовать его всерьез. Он готовил карты, учил молодых навигаторов, знал, где вечером зажгут свет. Я возвращалась, рассказывала, снова

собиралась. К тридцати семи я научилась заранее не договаривать хорошую новость о новом назначении. Он к сорока перестал спрашивать, когда мы купим большой стол.

— Я не жду, что ты извинишься за свою работу, — сказал Маттис.

Я подняла глаза.

— Это у меня на лице написано?

— Нет. Просто хочу сказать до того, как мы подпишем бумаги.

— Я тоже не жду, что ты объявишь одиннадцать лет на берегу потраченными зря.

— Они были хорошими.

Я кивнула, хотя принять это оказалось труднее, чем сказать правильные слова. В тех одиннадцати годах было семь лет без меня, и Маттис назвал их хорошими, не думая меня задеть.

— Тогда работаем? — спросил он.

Я допила остывший напиток. Во рту остался приятный яблочный вкус. Мне хотелось сейчас же пойти к Берте и поставить подпись, пока собственная осторожность не превратилась в предлог.

— Работать я согласна. Но завтра еще посмотрю верхний настил с Дорой.

— Посмотри. Там плохо закрепили крючки под накидки.

— Ты уже был на борту?

— Вчера. До того, как узнал о тебе.

Он сказал это так просто, что я поверила. Мы поднялись. У прилавка Маттис достал деньги за обе кружки, но я уже положила свою мелочь. Он не стал спорить и оплатил только свою.

На перекрестке нам было в разные стороны. Я вернула ему платок.

— Его бы выстирать.

— Глина высохнет.

— Она все равно останется.

— Я знаю, Ирина.

Он посмотрел на платок и засмеялся первым. Я рассмеялась следом, уже понимая, как это прозвучало. От смеха стало легче. Семь лет не превратились в пустоту, зато на один короткий миг перестали стоять между нами целиком.

— До завтра, — сказала я.

— До завтра, капитан.

Он произнес это просто. Я прошла несколько шагов, прежде чем позволила себе улыбнуться.

Глава 3. Своя палуба

На следующий день я пришила пуговицу, подписала договор и сразу посадила на рукав пятно краски. Оскар предупредил о свежем поручне слишком поздно.

— Теперь видно, что судно принято, — сказал он.

— Теперь видно, что табличку надо ставить раньше.

Он молча поднял с палубы дощечку с надписью «Окрашено» и привязал к поручню. Потом мы оба отошли, чтобы пропустить Дору Кирк.

Дора несла под мышкой туго скрученную накидку, на плече сумку, а в свободной руке яблоко. Она откусила, осмотрелась и спросила, где можно оставить вещи. Вопрос мне понравился. Никаких поздравительных речей на проходе, пока под ногами лежали инструменты.

Я показала ей небольшую каюту рядом с моей. Дора заглянула внутрь, поставила сумку и вернулась с засученными рукавами.

— До обеда проверим выходы? — предложила она. — Потом придет Фрида со своей посудой, и проходов не будет.

— Со всей посудой?

— Она сказала: с той, которую считает необходимой. Я не стала уточнять.

Мы прошли вдоль нижней палубы. Дора двигалась быстро и каждый раз останавливалась чуть в стороне от двери, чтобы я могла открыть ее полностью. Я прежде работала с людьми, которые занимали все пространство, а потом обижались, когда их просили подвинуться. С ней было легко. Пока легко, поправила я себя. Нам предстояло узнать друг друга в работе.

— Ты хотела пассажирское судно? — спросила я, пока мы проверяли крепления скамей.

— Хотела короткий круг и понятную смену. На грузовом получалось больше, но я полгода собиралась закончить мастерскую дома. Здесь успею.

— Что за мастерская?

— Делаю деревянные коробки. Пока все кривые. Поэтому мне нужно время.

Она произнесла это с таким достоинством, что я не удержалась от улыбки.

— Могла бы пойти старшим помощником и к другому капитану.

— Могла. Берта назвала тебя, я поговорила с Тилем. Он сказал, что ты не трогаешь шварговы руками, если боцман уже дал людям работу. Меня устроило.

Я подумала, что за спиной у человека складывается очень странная служебная репутация. Девять лет ответственных переходов, а рекомендация состояла в том, что я умею вовремя убрать руки.

Из верхнего люка показалась голова Маттиса.

— Карты в рубку?

— В шкаф справа от входа, — ответила я. — Нижний ящик свободен.

— Там запасные крепления.

— Теперь они у Оскара.

— Хорошо.

Он исчез. Я благодарно взглянула на Дору: она оставила наш короткий разговор без внимания.

К полудню на «Ласточке» запахло хлебом. Фрида Кент внесла две корзины, поставила на стол и начала вынимать из них совсем не посуду: полосатые салфетки, мешочки для крошек, невысокие подставки, доску с бортиками. Последней появилась большая круглая булка.

— Обед будет здесь, — сказала Фрида. — Хочу проверить, как пройдет подача при занятых местах.

— Занятых кем?

— Нами. И попросила двоих из конторы прийти. Они едят в это время в любом случае.

Я хотела спросить, не слишком ли много хлопот для простой проверки, но Фрида уже открыла боковой шкаф. Дверца уперлась в спинку стула. Фрида молча посмотрела на меня.

— Поняла, — сказала я. — Начинаем с этого.

Стул передвинули. Подставки закрепили. Маттис спустился с картой, увидел хлеб и вернулся за кружкой. Я не заметила, что именно у него в руках, пока он не поставил ее перед собой. По бокам шли желтые и синие полосы пестрой глазури, а ручка заметно отклонялась в сторону.

— Что это? — спросила я.

— Кружка.

— Я вижу.

— Тогда ты знаешь больше, чем продавец. Он уверял, что это еще и украшение стола.

Маттис повернул кружку кривоватой ручкой к Оскару. Тот наклонил голову, рассматривая ее со всех сторон.

— Если треснет, оставь в рубке. Будем показывать встречным судам вместо флага.

Маттис сел, взявшись за ручку: пальцы удобно легли в ее широкий изгиб. Раньше у нас дома стояла простая тяжелая посуда, которую он сам выбирал за устойчивость. Я едва не напомнила ему об этом, но Фрида поставила передо мной тарелку, и мне пришлось заняться обедом.

Она показала, как локоть человека у окна мешает подать блюдо соседу. Мы пересели. Потом выяснилось, что при открытой боковой двери длинная салфетка летит прямо в лицо Оскару. Дора сложила ее вдвое и подложила под доску. Двое работников конторы прилежно ели и обсуждали, можно ли на верхней стоянке выйти на берег до выгрузки корзин.

— Людям хочется встать, — сказала Фрида. — Даже если они никуда не спешат. Они три часа смотрели на облака. Потом увидели башню и решили, что уже прибыли. А мы просим еще четверть часа посидеть.

— Пока не закрепимся, никто не идет к переходу, — ответила я.

— Конечно. Я о том, чтобы сказать раньше. До башни. Когда они еще слушают.

Я кивнула. Девять лет я перевозила то, что не вставало со своего места из любопытства. Мешки не начинали искать потерянный шарф в момент подхода, ящики не требовали показать верхнюю террасу до окончания швартовки. Все это мне еще предстояло научиться замечать заранее.

После обеда мы с Дорой спустились к грузовым отсекам. Подъемный киль принимал рассчитанную массу, и каждая корзина, каждый человек, весь запас воды имели значение. Но в отличие от грузового судна здесь вес менялся на каждой стоянке мелкими порциями. Дора проверила, где будут складывать новые записи, чтобы навигатору не приходилось искать их по всему борту.

— Я сведу перед выходом, — сказала она. — Ты посмотришь итог.

Я уже собиралась сама взять листы, потом опустила руку.

— Хорошо.

— А это нужно убрать.

Она указала на ящик у лестницы. Ящик стоял удобно для того, кто его поставил, и совершенно неудобно для всех остальных. Я позвала Оскара. Через несколько минут лестница освободилась.

Под вечер остались только мелочи. Я вышла на верхнюю палубу и увидела Маттиса у ограждения. Он держал в руках свою нелепую кружку и смотрел на противоположный склон Вейра, где между домами поднимались садовые террасы.

— Тебе не станет тесно на таком круге? — спросил он.

Я остановилась.

— Уже обсуждаем, как мне лучше работать?

Он повернулся, и я увидела удивление, которое не успело скрыться.

— Я спросил, что тебе в нем нравится.

— Ты спросил другое.

— Да. Плохо спросил.

Ветер выбил из низкого пучка прядь волос. Я убрала ее за ухо, почувствовала пальцами жесткую серебряную нить среди каштановых. Мне захотелось уйти в каюту, но тогда его вопрос остался бы висеть здесь, над гладким поручнем.

— Вон тот двор, — сказала я, показывая на склон. — Я три года снимала там комнату. Не знала имени женщины, которая каждое утро поливала цветы под окном. Возвращалась, спала, собирала вещи. Сейчас хочу знать.

Маттис посмотрел туда, куда я показывала.

— И ради этого короткий круг?

— Еще ради своего штурвала. Ради работы, которую мне нравится делать. Ради возможности в четверг договориться с Эльзой на воскресенье и действительно прийти. У меня достаточно причин.

— Я не сомневаюсь.

— Сомневаешься. Ты все еще представляешь меня с сумкой, которую невозможно закрыть.

Он улыбнулся, но сразу убрал улыбку.

— Сумка была ужасная.

— Сумка была прекрасная. Я до сих пор с ней езжу.

— Тогда беру слова назад.

Мы постояли рядом. Я заметила, что он держит кружку двумя руками, грея пальцы, хотя майский вечер был теплым.

— Мне нравится, что у тебя здесь будет свое место, — сказал он. — Я правда хотел только понять, как ты его выбрала.

Помедлив, я рассказала ему, как вчера остановилась на лестнице перечитать первую строку договора. Он слушал без улыбки, пока я сама не засмеялась. Тогда засмеялся тоже.

Внизу Фрида закрывала шкафы. Щелкали новые защелки, Оскар ругался на слишком короткую тесемку. Я отняла руку от ограждения и обнаружила на ладони еще одно пятно краски.

Маттис заметил его.

— Платок остался дома, — сказал он.

— Завтра принеси два.

Глава 4. Через облачный край

Первым пассажиром оказался контрабас. Его внесли на защищенный настил двое мужчин, остановились перед переходом и спросили, где капитан.

Я подняла руку.

— У вас место для большого инструмента, — сказал тот, что был моложе. — Мы оплатили.

— Вижу. Поставьте пока здесь, под навесом. Боцман закрепит его в салоне.

— Он должен ехать вертикально.

— Это записано.

— И к нему нельзя прислонять корзины.

— Это тоже.

Мужчина посмотрел на меня с явным сомнением. Второй, седой и невысокий, поставил инструмент и вытер лоб.

— Перестань, — сказал он спутнику. — Она бумаги читала. Не все люди работают наугад.

Я оставила их Оскару и вернулась к трапу. На нижней площадке собирались остальные. Женщина в зеленой накидке пыталась вспомнить, кому отдала билет. Человек с плетеной клеткой уверял Фриду, что внутри нет птицы, только керамические фигурки, но все равно не хотел открывать дверцу. Пожилые супруги стояли спокойно, держась за одну ручку большой дорожной сумки с разных сторон.

С берега подошла Берта. Она посмотрела на людей, на табличку с названием «Ласточки» и на мой рукав, с которого я вчера до позднего вечера оттирала краску.

— Готова?

— Готова.

— Тогда не задерживаю.

Она отошла к ограждению. Мне неожиданно понравилось, что первый выход моего судна начинался с человека, который никак не мог предъявить билет, потому что сам положил его в шапку.

Дора принесла лист с итоговой массой. Я сверила цифры с расчетом киля, подписала лист и передала его Маттису. Он стоял у входа в рубку с карандашом за ухом.

— Верхний выход свободен, — сказал он. — Указатель на восточной башне ровный. До Линна держим второй слой, потом снижаемся к настилу.

Я посмотрела на флаг. Он действительно вытянулся без рывков, показывая устойчивый воздух. Ниже, в разрывах между домами, ветер тянул в другую сторону. Высота меняла все: можно было стоять в почти полном затишье на мостовой и видеть, как над головой суда уходят с тугими парусами.

Фрида пересчитала пассажиров и закрыла дверь салона. Седой спутник контрабаса устроился рядом с ним, словно оставлять вещь одну было невежливо. Дора доложила готовность. Я кивнула Оскару.

Сначала освободили корму. Судно едва заметно качнулось, и мои ладони приняли это движение прежде, чем я успела подумать о нем. Отдали носовые крепления. Парус раскрылся, наполнился, и настил начал медленно отступать.

Берта подняла руку. Я ответила коротким движением, не отпуская штурвала.

Край Вейра проплыл рядом. Нижние дома, черепичные крыши, сушившееся белье. Потом каменный склон ушел вниз, и под носом «Ласточки» раскрылся белый простор.

Кто-то в салоне ахнул. Я услышала через приоткрытую дверь, как Фрида спокойно предложила смотреть на дальний край облаков. По правому борту солнечный свет лежал так ярко,

что глаза сами щурились. «Ласточка» поднималась медленно, набирая нужный слой, и мне пришлось дважды поправить рулевые плоскости, пока парус не принял ровную тягу.

— Еще немного левее, — сказал Маттис. — Там полоса быстрее.

Я посмотрела на тонкий шлейф облака впереди. Его рвало вдоль, без поперечных завихрений. Взяла левее. Судно пошло ровнее.

— Так хорошо, — сказал он.

Я знала этот голос. Когда-то он говорил им, объясняя мне первые карты, пока я сердилась на себя за то, что вижу лишь цветные линии. За годы я перестала нуждаться в его уроках, но голос остался. Я попросила назвать расстояние до следующего указателя.

Дора зашла проверить носовую площадку. Я видела, как она остановилась возле пассажира, который высунул голову из двери, и негромко что-то ему объяснила. Он вернулся в салон. Я с удовольствием смотрела, как она справляется сама.

Когда Вейр уже растаял в светлой дымке, я передала штурвал Доре и спустилась к пассажирам. Фрида раздавала воду. Женщина в зеленой накидке наконец нашла билет и теперь настойчиво пыталась показать его всем, кто проходил мимо.

— Оставьте себе, — сказала я. — На обратном пути пригодится половина с печатью.

— А вы нас назад повезете?

— Если у вас билет на этот круг, да.

— Хорошо. Я люблю, когда лицо знакомое.

У окна сидел человек с плетеной клеткой. Теперь дверца была открыта, и я увидела внутри белых глиняных птиц, отделенных друг от друга сложенной тканью. Он поймал мой взгляд.

— Подарки сестре. Она решила, что у нее мало вещей на полках.

— Все птицы одинаковые?

— Она так просила.

Он взял одну фигурку, показал крошечный синий хвост и поставил обратно. Мне понравилось, как бережно он это сделал. Девять лет на грузовых судах я видела в таких коробках прежде всего хрупкий груз. Теперь передо мной сидел брат, который знал, сколько птиц нужно его сестре.

Контрабас в углу стоял прочно. Молодой музыкант проверял крепления каждые несколько минут. Седой спутник дремал, уронив руки на колени. Когда я проходила, он приоткрыл один глаз.

— Хорошее у вас судно.

— Спасибо.

— Сидеть удобно. Только стол низковат.

— Скажу Фриде.

— Я ей уже сказал. Она велела не поднимать колени так высоко.

Я рассмеялась. Фрида, услышав, обернулась и очень серьезно кивнула.

К полудню показался Линн. Сначала темная полоска над облаками, затем зеленый склон и светлая швартовная башня. Остров висел ниже Вейра. На солнечной стороне по террасам спускались сады, на теневой выступали голые каменные ребра. Между ними тянулись узкие лестницы, и фигурки людей казались нарисованными прямо на скале.

Маттис показал мне изменение потока. Мы начали снижение раньше, чем я сделала бы на тяжелом грузовом судне. «Ласточка» слушалась легко, но пассажиры заметили перемену сразу. В салоне стих разговор. Фрида заранее объявила, сколько времени осталось до выхода, и люди остались на местах.

На подходе башня закрыла часть ветра. Я убрала тягу, довернула плоскости, удержала нос от лишнего движения. Оскар стоял впереди, подняв руку. Дора следила за кормой.

Швартовный конец приняли с первого раза. Судно мягко подошло к настилу и остановилось.

Только когда переход лег на место, я почувствовала, что все это время слишком крепко сжимала рукоять.

— Можно открывать, — сказала я Фриде.

Пассажиры заговорили разом. Женщина с найденным билетом попросила подержать ее сумку, чтобы поправить накидку. Человек с птицами вышел последним из девяти, обернулся и пожелал нам хорошего воздуха.

На берегу его уже ждала женщина. Она заглянула в клетку и всплеснула руками так искренне, что он расплылся в улыбке. Я смотрела на них несколько секунд, пока Оскар не спросил, куда относить пустые крепления.

Мы закончили выгрузку, проверили судно и сели обедать. Маттис поставил перед собой полосатую кружку. Я вдруг поняла, что его кружка путешествует впервые так же, как я впервые веду собственный рейс. Не удержалась и коснулась кривоватой ручки.

— Она неплохо перенесла дорогу.

— Еще бы. Я проверял: стоит ровно.

Он повернул кружку ко мне ярким боком. Я засмеялась, и напряжение первого выхода окончательно отпустило. За открытой дверью шумела незнакомая пристань, но швартовы держали ровно, люди были на берегу, а у меня оставалась целая половина дня на своем судне.

Глава 5. Без промежуточной остановки

Утром на Линне к нам подсели четверо садовников с плоскими корзинами и женщина, которая везла на Арден ткань для праздничных лент. Садовники были веселыми, ткань занимала мало места, ветер подходил для долгого прямого перехода. Все складывалось так хорошо, что я стала ждать от дня больше, чем следовало.

У верхнего плеча Линна имелся защищенный настил. Там можно было сделать короткую промежуточную стоянку, поесть в тишине и затем уйти к Ардену. В предварительном плане она была отмечена как возможная. При хорошем ветре мы имели право пройти без нее.

— Если не зайдем, придем почти на час раньше, — сказала я.

Маттис стоял над картой, придерживая угол тяжелой линейкой.

— На час, если верхний поток не ослабнет. Но в любом случае до вечера успеем.

— Тогда идем прямо.

Он посмотрел в сторону пассажирского салона.

— Получится больше шести часов без возможности выйти. С набором высоты обед будет неудобен. Я бы оставил паузу.

— Течение ровное.

— Я не о безопасности.

— Я понимаю.

Мне казалось, что понимаю. В его тихом «я бы оставил» услышалась старая кухня, мое нетерпение, его просьба посидеть еще немного перед выходом. Я выпрямилась.

— Пассажиры купили дорогу до Ардена. Дойдем вовремя, там и отдохнут.

Маттис убрал линейку.

— Хорошо. Прямой путь допустим. Высоту начнем брать после второго знака.

Он больше не спорил. Я почему-то приняла это за одобрение, хотя он согласился только с тем, что маршрут безопасен.

Сначала все шло прекрасно. Линн оставался сбоку, открывая новые террасы. Садовники показывали друг другу темные полосы посадок и спорили, на какой стороне острова быстрее сохнет земля. Молодой музыкант рассказывал женщине с тканью, что на Ардене они сыграют вечером следующего дня. Она обещала прийти.

Потом мы прошли верхний настил. Там стояло небольшое грузовое судно, люди ели на берегу под полосатым навесом. Я смотрела на указатель течения и радовалась, что не придется тратить время на два лишних подхода. Маттис записал прохождение знака. Дора спросила, сменить ли меня. Я согласилась и пошла в салон.

Фрида готовила обед. Хлеб был нарезан, овощи лежали в глубокой миске, но подать горячую похлебку она пока не могла: начался набор высоты, судно держало легкий постоянный наклон, и людям было неудобно вытягивать руки через стол.

— Через сколько выровняемся? — спросила она.

— Минут через сорок.

— Тогда сначала холодное.

Она сказала без упрека. Я помогла раздать хлеб и вернулась наверх. В рубке было прохладно. Воздух изменился, парус тянул сильнее, и мне пришлось внимательнее следить за курсом. Арден еще не показался. Впереди лежала чистая светлая полоса, по которой мы должны были пройти несколько часов.

Когда судно выровнялось, Фрида начала подавать обед. В тот же момент двум пассажирам понадобилось пройти к нижней двери. Молодой музыкант поднялся поправить крепление контрабаса. Садовники развернули сверток, который оказался шире стола. Все было обычным, разрешимым и очень тесным.

Я спустилась на шум. Фрида стояла с подносом, не имея возможности ни поставить его, ни пройти дальше. Я придержала дверь, попросила музыканта сесть, помогла освободить стол. Он покраснел и начал объяснять, что инструменту нельзя долго оставаться под солнцем.

— Штору сейчас опустим, — сказала Фрида. — Пожалуйста, пока не вставайте.

Женщина с тканью молча отодвинулась к окну. Один из садовников предложил поесть на верхней палубе, но там как раз меняли положение паруса, и Дора велела подождать.

Обед мы все-таки раздали. Через час люди снова начали разговаривать, однако прежней легкости уже не было. Пожилая пассажирка из тех, кто ехал с Вейра, долго смотрела в окно, потом попросила Фриду показать, где можно просто постоять, никому не мешая.

Я видела, как Фрида подвела ее к свободному участку у закрытой боковой двери и сама осталась рядом, чтобы никто не толкнул женщину. Это было разумно и совершенно недостаточно для человека, которому хотелось пройтись по твердой земле.

Арден показался в дымке раньше, чем мы рассчитывали. Высокий, с темной каменной подошвой и белыми домами вдоль верхнего края. Я привела «Ласточку» аккуратно, без лишней поправки. Оскар принял крепления, Дора открыла переход. Пассажиры вышли быстро, с видимым облегчением. Молодой музыкант поблагодарил нас, но тут же спросил, не будет ли обратный переход таким же долгим.

— На обратном пути предусмотрим паузу, — ответила я.

Он кивнул, уже повернувшись к своему инструменту.

Когда берег опустел, Фрида села на скамью и вытянула ноги. Я опустилась рядом.

— Слишком длинный переход? — спросила я.

— Для таких мест да. Если бы это были каюты, люди могли бы разойтись. Здесь все друг у друга на виду. К вечеру даже вежливые начинают сидеть очень прямо.

— Никто не жаловался.

— Они приличные люди. Это не значит, что им удобно.

Я смотрела на пустые столы. На одном осталась крошка, застрявшая в стыке досок. Хотелось смахнуть ее, сделать хоть что-нибудь простое и правильное.

— Ты могла настоять на остановке.

Фрида повернула голову.

— Я утром сказала Доре, что с обедом придется подождать. Думала, капитану виднее, как лучше по воздуху. Если нужно, в следующий раз скажу напрямую.

— Нужно, — ответила я. — Говори.

Дора пришла позже, когда мы уже убрали салон. Она положила журнал на стол и осталась стоять.

— По времени выиграли сорок минут, — сказала она. — Для людей потеряли больше. Три раза пришлось закрывать проход на верхнюю палубу, чтобы они не мешали работе. На коротких участках такого не будет.

Я кивнула.

— Обратный разбиваем.

— Хорошо.

Доре нужно было знать, как мы пойдем дальше. Я вдруг почувствовала себя очень взрослой и очень глупой одновременно. Два человека спокойно сказали мне о последствиях, каждый со своей стороны.

Маттиса я нашла в рубке. Он убирал карты в шкаф и не обернулся сразу.

— Ты был прав насчет паузы, — сказала я.

Он закрыл ящик.

— Фрида рассказала?

— Я сама видела. Потом поговорила с Фридой и Дорой. Я слишком обрадовалась возможности прийти раньше.

Маттис кивнул.

Я едва не напомнила, что решение было безопасным, но удержалась.

— Завтра на свободной стоянке проверим, как удобнее устроить обратный обед, — сказала я. — А на обратном пути зайдем к верхнему настилу Линна. Время заложим сразу.

— Я пересчитаю участок.

— Спасибо.

Он уже потянулся за картой, когда я сказала:

— И утром я услышала в твоих словах больше, чем там было.

Маттис остановился. За окном двое работников катили тележку по настилу; железные ободья громыхали так, что несколько секунд говорить было бессмысленно.

— Я заметил, — сказал он, когда шум стих.

— Мог сказать.

— Ты принимала решение. Я высказал рабочее замечание. Не хотел разбирать нас в рубке.

Я посмотрела на его руки. Он держал край карты спокойно, без того знакомого напряжения, с которым когда-то закрывал передо мной дверь шкафа.

— Правильно, — сказала я.

Это слово далось тяжелее предыдущих. Маттис развернул карту, и мы вместе посмотрели на завтрашний воздух над островом.

Глава 6. Не тот береговой человек

После ужина я собиралась остаться на борту и разобрать записи, но Оскар поставил передо мной закрытый журнал.

— Дора приняла стоянку. Я остаюсь до полуночи. Фрида уже ушла. Кому еще нужно мешать работать?

— Ты удивительно любезен с капитаном.

— Берег близко, могу себе позволить.

Я надела накидку и сошла на настил. Арден встретил меня сухим прохладным ветром. Высота здесь ощущалась даже в звуках: шаги отдавались дальше, голоса с верхней улицы долетали отчетливо, хотя людей не было видно. Над башней натягивали длинные разноцветные ленты. Завтра их должны были распустить над площадью.

Я поднялась на первый лестничный пролет и остановилась у лавки с горячими лепешками. В открытой печи светились угли. Хозяин переворачивал круглое тесто длинной лопаткой, а рядом уже лежали готовые лепешки, покрытые темными зернами.

— Кислые или пряные? — спросил он.

— Кислые.

— Остались две.

— Одну мне.

— Вторую мне, — сказал Маттис за спиной.

Я обернулась. Он нес свернутую накидку на сгибе локтя и смотрел на лепешки с таким серьезным интересом, словно они были новым указателем течения.

— Ты же не любишь кислое.

Он поднял брови.

Я осеклась.

— Раньше не любил, — поправилась я.

— Раньше я еще не пробовал эти.

Хозяин протянул нам горячие свертки. Мы отошли к низкой каменной стене, сели рядом, оставив между собой накидку Маттиса. Я надкусила лепешку и сразу почувствовала терпкий фруктовый сок. Край был хрустящим, середина мягкой. Маттис попробовал свою, задумался, откусил еще.

— Хорошо, — сказал он.

— Можешь не хвалить из упрямства.

— Я хвалю из голода.

Он облизнул палец, на который попала начинка. В этом движении было столько непринужденности, что я неожиданно вспомнила его совсем молодым, на ранней стоянке, когда мы еще не жили вместе и делили мешок жареных орехов. Тогда я смотрела на его руки чаще, чем на лицо. Теперь смотрела снова и сердито свернула бумагу плотнее.

Внизу у башни зажгли фонари. «Ласточка» стояла в стороне, ее нос был виден между двумя навесами. Отсюда она казалась совсем небольшой.

— Ты давно решил выйти в рейсы? — спросила я.

— В январе начал искать. В феврале договорился, что закончу весенние занятия в палате и больше не возьму летние.

— Значит, четыре месяца.

— Примерно.

— Почему?

Маттис не ответил сразу. Он доел лепешку, сложил бумагу вчетверо и убрал в карман, чтобы не унесло ветром.

— В прошлом году готовил карту восточного хода. Три недели уточнял одну береговую дугу по чужим записям. Потом пришел капитан, привез новые наблюдения. Сел у меня за столом и начал рассказывать, как там по утрам свет проходит под островом. Я задал ему пять рабочих вопросов. Шестой не задал.

— Какой?

— Почему я сам туда не еду.

Я смотрела на темную линию горизонта. Где-то за ней лежали дальние острова, до которых от Вейра добирались неделями. Я знала несколько таких маршрутов, другие видела только на картах. Маттис знал их гораздо больше, но последние годы действительно оставался в основном за своим столом.

— Ты скучал по дороге?

— Не все одиннадцать лет. Если ты это спрашиваешь.

— Я ничего такого не сказала.

— Знаю. Отвечаю на то, что сам раньше мог бы подумать. Мне нравилось преподавать. Нравилось узнавать зимой, как прошли люди по уточненным мной картам. Иногда хватало короткого выхода. Потом перестало хватать.

Я не сразу нашла, что ответить. В моей памяти его береговая жизнь была крепкой, окончательной вещью. Вроде стены, по разные стороны которой мы оба когда-то устали спорить. Оказалось, за этой стеной продолжали переставлять мебель, открывать окна, выходить из дверей, о которых я не знала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.